

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 36

15 октября 1944 года

№ 36

СОДЕРЖАНИЕ:

Приказ казачьим войскам
№ 16

Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Кра-
снов

Наше знамя — Е. Тарусский

Под свободные знамена —
песня

Казак Семен Дежнев — исто-
рический очерк

Воротничок — рассказ Марии
Ярыш

Что было в Варшаве? — фото-
репортаж

Покров в Кубанской станице —
Ф. Печорин

Книжная полка

Богатырская сказка-быль —
Есаул В. Поночевный

В Первой Казачьей — очерк
А. Яганова

Розыски

Казачи в Варшаве

Офицеры изучают карту восставшей столицы с отмеченными очагами
сопротивления

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Приказ казачьим войскам

1 октября 1944 г.

№ 16

г. Берлин

В № 25 центральной обще-казачьей газеты «Казачья Лава» напечатана заметка: — «Благородный порыв». В ней описывается как казачья рота (полевая почта № 29 169 К) просит передать собранные казаками деньги в размере 1322 марки для помощи эвакуированным казачьим семьям. Деньги эти редакция «Казачьей Лавы» направляет в адрес новых казачьих станиц для распределения среди наиболее нуждающихся.

Земной поклон от меня, старого казака, всем казакам отдельной казачьей роты за ее благородный, истинно казачий порыв помочь в беде своим родным семьям.

Я ожидал этого движения казачьей души. Я знал, что оно будет, был в этом уверен. В казачьей дружной семье всегда так было. Помнил казак твердо — «рука дающего не оскудеет».

Нужда огромная. Наши семьи разуты и раздеты. Надвигается зима. Надо одеть детей, женщин, стариков и инвалидов.

Немцы нам помогают. Но... столько беженцев разных народов прибыло в Германию, что ей трудно управиться с пришедшими к ней из всех стран нищетою и горем.

Нужна широкая самопомощь. Не только деньгами, но, кто может и вещами — бельем (особенно бельем!), обувью — 18 месяцев похода!! одеждой теплыми вещами, домашней утварью.

Казаки! Последуем примеру Казачьей роты, через подхорунжего Барановского приславшей первый казачий почин. Те, кто имеет — помогите тем, кто ничего не имеет.

Шлите деньги и вещи через курьеров или почтою в адрес Главного Управления Казачьих Войск: Hauptverwaltung der Kosakenheere, Berlin NW 7, Hegelplatz 2.

Главное Управление передаст все по назначению через Отдел социальной помощи, во главе которого стоит Кубанский Атаман Ген. Штаба генерал-майор Науменко, член Главного Управления Казачьих Войск от Кубанского казачьего Войска.

Отчеты о пожертвованиях будут публиковаться в приказах Казачьим Войскам и в казачьих газетах.

Единым казачьим кругом, всеми казачьими доблестными частями возьмем на наши могучие плечи горе наших семей и покажем, что мы, казаки, не покинем в беде своих родных и дорогих.

Еще раз спасибо отдельной казачьей роте и подписавшемуся за нее подхорунжему Барановскому! Спасибо редакции «Казачьей Лавы» за то, что успокоили меня и укрепили в моей вере в казаков.

Нет! Не погибнем мы никогда. Не будем побеждены, но всегда и везде победим! И на поле брани с лютым врагом. И на поле горя и нищеты.

Там, где все за одного и один за всех — там всегда полная победа!

Начальник Главного Управления Казачьих Войск Генерал от кавалерии **Краснов**

Начальник Штаба Полковник **Краснов**

Верно: Адъютант Главного Управления Войсковой Старшина **Моргунов**

Исторические очерки Дона

Часть вторая

Продолжение*)

II

Император Александр II — Царь Освободитель. Освобождение крестьян от крепостной зависимости. 19 февраля 1861 года. Отмена телесных наказаний. Положение о земских учреждениях 1 января 1864 года. Городовое положение. Судебные уставы 1864 года. Военная повинность по манифесту 1 января 1874 года.

Царствование императора Александра II (19 февраля 1855 года — 1 марта 1881 года) было для России временем великих преобразований; освобождение крестьян от гнета рабства и помещичьего произвола; установление мягкого и справедливого суда; устроение всей жизни государства на новых началах, подобных устройству западно-европейских государств — все это в какие-нибудь двадцать лет изменило, перестроило и перетрясло Россию. Конец же царствования завершился удачно и полною громких побед войною с Турцией и освобождением славянских народов от турецкого ига. В историю это царствование вошло под именем «времени великих реформ» (преобразований), а сам Император Александр II с полною справедливостью был наименован — Царем Освободителем.

В манифесте по случаю заключения Парижского мира Император Александр II объявил: «при помощи небесного Промысла, всегда благодетельного России, да утверждается и со-

вершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый, под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных...»

И первое дело — было освобождение крестьян. Дело нелегкое. Оно встретило отпор со стороны дворянства, составлявшего и в те времена главную опору Государя. Только твердая воля самого Александра II, помощь его брата Великого князя Константина Николаевича и жертвенная готовность показать пример другим землевладельцам его тетки Великой княгини Елены Павловны, освободившей крестьян в своем огромном имении Карловка, да самоотверженная работа комиссий, собранных Государем для выработки закона, помогли завершить это дело огромного государственного значения к шестой годовщине вступления на престол Императора.

19 февраля 1861 года был подписан манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

Крестьяне получили личную свободу и становились равноправными гражданами с остальными сословиями Русского государства.

Земля же, на которой они жили и работали, продолжала оставаться собственностью помещиков. Помещики только обязывались: оставить за крестьянами их усадьбы — жилое помещение, надворные постройки, выгон, гумно, огороды, сады и пр. и нарезать некоторое количество земли в полевой на-

*) См. № 35 «На Казачьем Посту».

дел, в аренду. Размер этого надела колебался от одной до двенадцати десятин на душу.

Дворовые крестьяне (слуги помещика) земли не получили. Они и раньше на ней не работали.

Вслед за отменой крепостного права указом 17-апреля 1863 года были отменены телесные наказания — шпиц-рутены, наказание плетью, «кошками», наложенные клейм и временно сохранено наказание розгами.

1 января 1864 года было издано «положение о земских учреждениях». Этим законом выборные на началах бессловности местные «земские» люди были призваны заботиться о благосостоянии своего края. В каждом уезде создавалось «уездное земское собрание» и «уездная земская управа». В губернии созданы были — «губернское земское собрание» и «губернская земская управа».

16 июня 1870 года было издано городское положение. Городам было предоставлено самоуправление в лице «городской думы» из выборных «гласных» и «городская управа».

20 ноября 1864 года были обнародованы «новые судебные уставы». В манифесте об этом законе было сказано Государем о желании его: водворить в России «суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого от высшего до низшего...»

Высшим судом являлся сенат. По делам уголовным и крупным гражданским действовали окружные суды. По делам мелким, как-то — обиды, ссоры, домашние дрязги, драки, буйства, гражданские иски на небольшие суммы — действовали — мировые и волостные суды, над которыми стоял съезд мировых судей.

1 января 1874 года был объявлен манифест о воинской повинности. Повинность эта из сословной становилась всеобщей. Срок действительной службы в строю был понижен с 25 лет до 6 лет. На службу поступали по жребию, кому идти на действительную службу — в строй, кому идти в ополчение (бело-билетники). Были сделаны облегчения для людей с образованием. Окончившие городские школы служили вместо 6-ти лет 4 года, кончившие гимназии (восемь классов) — 2 года, и кончившие высшие учебные заведения один год.

II

Как отразились Российские преобразования на Дону. Казаки и «мужики». Казаки сами о себе. Записка генерал-лейтенанта Дондукова-Корсакова о казаках. Посещение Дона Наследником Цесаревичем с супругою в 1869 и 1870 годах. Государь на Дону. Крестьяне на Дону. Причины вражды между казаками и крестьянами.

Преобразования, произведенные в России, не встретили на Дону той радости и восторга, с каким приветствовало их в России все образованное общество и крестьяне.

Для России преобразования эти были громадным шагом вперед — для донских казаков это был шаг назад — ухудшение их казачьего положения, умаление их казачьей гордости и, наконец, постепенное их обеднение.

«Сословий на Дону не было. То дворянство, которое было на Дону, по существу, не было отдельным от казаков сословием. Во внутренней жизни казаки дворяне оставались казаками. У казаков-дворян были крепостные крестьяне. Казаки терпели это зло. Крепостные жили на земле помещика, но земля-то пока она была во владении помещика-казака в понятии казака оставалась казачьей землей. Казак считал, что, как дана она была казаку-дворянину от Войска, так войском же может быть и отобрана. Притом же каждый казак мог дослужиться до офицерского чина и стать дворянином. На крепостного крестьянина казак смотрел пренебрежительно, как на раба, как на низшего себя. «Мужик», «хохол», «Ванька» — так звали казаки крепостных. Крепостной в понятии казака не мог быть равным ему; тем более не мог стать выше его.

Когда в половине 70 годов на Дону хотели провести закон о надзоре и охране станичных лесов, казаки приняли этот закон за попытку отобрать от них леса. В юртах станиц Луганской, Гундоровской, Еланской и Каменской произошли беспорядки. Казаки отказались повиноваться закону и оказали сопротивление. В Еланской станице присланный усмирять казаков генерал сказал, что в 1861 году он усмирлял крестьян. Казаки ответили ему:

— Мы тебе не мужики!

Казак А. Леонов, писатель и поэт, в нильских номерах «Донских Ведомостей» за 1862 год писал о казаках: «...ка-

зак — слово магическое! Казак — это прежде всего синоним (то же самое) свободы, братства, равенства, и уже потом — синоним удальства, молодечества... В Московском Государстве XVII века — произвол, приказы, воеводы, тюрьмы, пытки, Сибирь: — на Дону — Круг и выборные власти...»

Начальник штаба Войска Донского генерал-лейтенант Дондуков-Корсаков 3 декабря 1861 года подал военному министру Д. А. Милютину «записку о Войске Донском», в которой писал: «несколько веков казаки пользуются самостоятельностью; в XVII веке они составляли отдельное вольное общество, имевшее свои уставы, свои права, коими на войсковых сборах или кругах, всенародною подачей голосов решались общественные вопросы и избирались войсковые атаманы... Имена Ермака и некоторых популярных (любимых народом) атаманов еще очень свежи в памяти народной... Как гражданин, каждый простой казак считает себя, с некоторым основанием, несравненно выше всех прочих подданных сословий России. Выборное начало и другие либеральные (свободные) права, составляющие основу казачества на Дону, развивали в нем чувства личного достоинства и самостоятельности... На Дону развиты понятия, которых далеко чужда общая масса населения России. Поэтому приписка нового иногороднего элемента (слоя) всегда будет встречена казаками с крайним неудовольствием, может быть, даже и с гласным ропотом, как нарушение одного из самых близких сердцу казака постановлений. При свойственном казакам недоверии и подозрительности, подобная мера непременно заставит опасаться за прочность существования самого Войска и возбудит недоброжелательство к Правительству в населении, исключительно привязанном и преданном Имени Государя. Выборное начало составляет одно из существенных прав Войска Донского, которым масса сословия преимущественно дорожит. Простой казак гордится на станичных выборах и сборах своим правом голоса наравне с прежним своим командиром полка, офицерами, генералами, если они граждане одной с ним станицы...»

Офицер генерального штаба донец Н. И. Краснов в изданной в 1863 году книге «Географическое описание земли Войска Донского» пишет: «... в настоящее время вопрос о правах и повинности казаков составляет главнейший предмет толков, и донцы желали бы обсудить этот вопрос сами, образовав из себя собрание и заявив в нем свои мнения и искренние желания, передать их на рассмотрение правительства. Всякое же постановление помимо их заявления возбуждает в донцах неудовольствие и нелюбовь к иногородним, которых они называют «русскими», считая себя как бы отдельным народом...»

Не утверждали ли казаков в их горделивом сознании выделенности из русского народа и сам Государь и его наследник атаманы всех казачьих войск в свои посещения войска Донского?

В 1869 году, при атамане Черткове, на Дон приехали дорогие гости — Государь, Наследник Цесаревич Александр Александрович (потом Император Александр III) и супруга его государыня Цесаревна Мария Феодоровна (принцесса Датская).

Несказанно радушно, гостеприимно, самобытно и вместе с тем по казачьи лихо и просто встречали донцы своих атамана и атаманшу. Дорогие гости совершили путешествие по Волге. 27 июля они сели в Царицыне в особый поезд Волжско-Донской железной дороги и через два часа прибыли на Калачевскую станцию. Здесь их встретил Войсковой наказный атаман генерал-лейтенант Михаил Иванович Чертков и местные казаки. Почетный караул был выставлен от гвардейских казачьих частей. На Дону ожидали гостей пароходы «Сотник» для Атамана и Атаманши и для конвоя «Цымла». Во время плаванья по Дону на «Цымле» играл хор трубачей Атаманского полка.

Это плавание летом через степи, изрытые глубокими балками, мимо фруктовых и виноградных садов, отягощенных плодами, мимо станиц с белыми казачьими куренями, накрытыми золотистыми соломенными крышами было необычно красиво. Все тут было другое, чем в России, на Волге. А теплыми лунными ночами — полно очарования; словно в восточную сказку попали молодой атаман и его супруга. Это был Русский мир и в то же время — не русский, а иной. Быстро спускались по Дону пароходы. От станицы до станицы вровень с ними мчались наездники-казаки. Они скакали через рытвины и кусты, стреляли на скаку, джигитовали.

У станичных пристаней перила и сходни были украшены пестрыми коврами, зеленью и цветами; стояли хлебные снопы, груды были навалены арбузы, дыни, тыквы, кукуруза. Виноград наложен был в громадные корзины. Богатство и приволье дышало от станиц. По одну сторону пристани были

построены старые казаки в старинных мундирах с орденами и медалями, по другую сторону стояли казачки в нарядных кубелеках, украшенных монисто и бусами, в ожерельях из монет. С ними были и по казачьи одетые дети. Строевые казаки стояли по сотенно со станичными старинными знаменами, еще царями Московскими жалованными. Станичные атаманы выходили к пароходу с серебряными насеками и приветствовали дорогих гостей.

Когда пароходы подходили к Нижне-Чирской станице наступила ночь. Две сотни молодых казаков было собрано у пристани. Луна еще не всходила. Было темно, и в темноте теплой ночи малолетки разиграли вдоль берегов маневр. Сверкали огни выстрелов. Слышались ружейные залпы, топот скачущих в темноте коней; вдруг лава одной из сотен ринулась в Дон; раздался плеск воды, фырканье плывущих коней. Вся сотня в полной амуниции переплыла реку. Пароход остановился. Государь Наследник вышел на берег и обошел строй малолетков, благодаря их за отчаянно смелую, настоящую казачью переправу через Дон.

В Цымлянской станице Наследник с супругой вышли на берег и поехали в церковь. На обратном пути к пристани Атаман с атаманшей пожелали посмотреть казачий виноградник. Они заехали к уряднику Кленкину. В плодовом саду хозяйка потрясла грушу в то время, когда Цесаревна проходила под ней. Плоды посыпались на Марию Феодоровну.

— На счастье, матушка атаманша, — сказала, улыбаясь, Кленкина.

В Семикаракорской станице Атаман и атаманша в степи присутствовали на калмыцком Буддийском богослужении в степной кибитке, а потом смотрели громадный табул в семь тысяч голов. Коня бродили в степи. За ними были видны в степном просторе стада верблюдов.

Россия? Да — Российская Империя и в ней — казаки...

31 июля пароходы причалили у Аксайской пристани. Отсюда по железной дороге гости прибыли в Новочеркасск и со станицы приехали верхом на Соборную площадь на Круг.

Это не был старый Круг — закон и правительство Войска Донского. Только парадная церемония с выносом знамен и войсковых регалий стояла на Соборной площади. Но и тут были старики-казаки от всех станиц; они стояли со знаменами; они слушали и видели все, что происходило на Кругу.

Взволнованный и потрясенный всем виденным за эти дни Наследник Русского Престола обратился к казакам и сказал:

— Государь Император, отправляя меня к вам, поручил мне благодарить Донцов за их всегда верную, храбрую и усердную службу. Его Величество уверен, что доблести, всегда отмечавшие их, сохранятся и в будущем поколении и не забывает и гордится тем, что в продолжение двадцати семи лет носил звание вашего атамана.

Свою речь казакам Наследник закончил словами:

— Любите меня, как вы любили моего покойного брата (скончавшегося старшего сына Императора Александра II, Наследника Великого Князя Николая Александровича), — я постараюсь заслужить вашу любовь.

В следующем, 1870 году, Войско Донское справляло трехсотлетие со дня пожалования 3 января 1570 года первой грамоты Царя Иоанна Васильевича «атаманам и казакам». Наследник с Государыней Цесаревной прибыли на Дон 20 мая и привезли Войску Георгиевское знамя с Александровской «юбилейной лентой» с надписью: «В память трехсотлетнего существования Войска».

Новочеркасск был богато убран арками из зелени и цветов; по улицам стояли щиты с надписями, между которыми была такая:

«Признательностию и службой верной, мы предков превзойдем и то же заповедуем потомкам».

12 августа 1872 года в Войско на «Круг» прибыл Государь Император Александр II. На Кругу он обратился к казакам с такими словами:

— Давно желал я посетить землю Войска Донского и благодарю Бога, что Он позволил мне исполнить мое желание. При этом не могу не припомнить мое первое посещение Донского края в 1837 году, вместе с покойным Государем, родителем моим. Живо сохранил в памяти моей слова его, обращенные к представителям Войска Донского; в этом самом войсковом кругу. Изъявив им свою благодарность за верную, усердную и храбрую службу, он, указывая на меня, сказал: «лучшего доказательства моего уважения и доблестям Войска Донского я не мог вам дать, как назначив сына моего Наследника вашим Атаманом. Уверен, что вы будете служить и сыну моему столь же верно, как вы служили предкам моим и мне». И я по совести могу сказать вам, что вы вполне оправдали на деле надежды его. То же уважение и доблестям Войска Донского хотел и я вам доказать назначением, на другой же день восшествия моего на престол старшего сына

моего Николая Александровича, вашим атаманом, а вслед за кончиною его, теперешнего моего Наследника Александра Александровича. Прием, вами сделанный им обоим, и их и меня порадовал и глубоко тронул. Но он меня не удивил, потому что я хорошо помню, как вы меня приняли в 1850 году в качестве вашего Атамана, когда, возвращаясь с Кавказа, я, по поручению покойного Государя, благодарил вас его именем за вашу молодецкую службу. Вполне уверен, что вы так же верно, усердно и храбро будете служить сыну моему, как служили мне. Выражая вам еще раз мое Царское спасибо, мне остается желать, что бы Войско Донское, сохраняя доблести своего векового казачества, развивалось и в гражданском быту, согласно данным мною указаниям. Призываю на них благословение Божие к вашему благу и преуспеянию...

Как же было ни гордиться донским казакам своим именем и своим казачьим званием? Они чувствовали, что выделены из общей народной толпы России и притом не как инородцы, но как особенные Русские — Донские казаки! Разве бывало чтонибудь подобное в губерниях? Разве там говорили так с народом, на площади, на майдане, на Кругу, со всем народом? Да, бывало, что в залах Государь говорил с дворянством, с купечеством, с волостными старшинами. Тут же Государь говорил всему вольному казачеству. Государь и его сын, Наследник, ценили и любили это вольное казачество.

Казаки читали в своих газетах и книгах о славе и вольности казачьей.

Отмена крепостного права. На Дону появляется около 300.000 свободных, полноправных граждан. Эти граждане требуют себе земли.

Помещики — одни, движимые слабостью к своим бывшим крепостным, другие потому, что некому было другому отдать свои земли, стали на выгодных условиях сдавать своим крестьянам в аренду земли, а потом и продавать их. Вчерашний крепостной, — «мужик», «хохол», «Ванька», на глазах у казаков, становился землевладельцем, обкладывался «землицей» и все продолжал злобно и завистливо смотреть на казака.

— Ишь ты!.. Помещиком живет! Земли-то!.. Земли! По тридцать десятин!

А у казака давно уже и в помине не было этих тридцати десятин. Стесненный военной службой, обязанный иметь строевого коня и снаряжение до самой старости, отправляющий за свой счет на службу всех своих сыновей — казак видел, как рядом с ним бывший крепостной — раб, иногородний, «чужак» обзаводился и обстраивался. Не зависть, но злоба накупала в душе у казака.

Для облегчения положения землевладельцев дворян и крестьян были учреждены дворянские и крестьянские земельные банки. На льготных условиях там можно было получить деньги на покупку земли. Казаку ссуды не полагалось: казак не крестьянин. Он и не дворянин. Создать свои казачьи земельные банки не догадались тогдашние Войсковые наказные атаманы из русских генералов.

Вчерашние дворовые, по понятиям казаков — холопы — становились торговцами, потом купцами, приобретали участки земли в станицах и городах, строили дома, лавки, магазины; занимались промыслами, делались мельниками, праслами, занимались промышленными предприятиями и на глазах казаков богатели. Казаки становились в зависимость от них, должны были им и должны были кланяться им.

Места переменялись. Гордый своими всегдашними победами, заласканный Государем, свободный и сознавший свою свободу казак беднел, унижался; вчерашний раб богател. Все больше и больше становилось отчуждение казаков от иногородних, все сильнее зависть и злоба. Станица и хутор ненавидели слободу и поселок, те платили им тем же.

Великая реформа 1861 года — освобождение крестьян — на Дону положило начало отчуждения казаков не от царя и России, но от Русского народа, в ком увидел казак незаконных владельцев его казачьей земли, кровью предков обильно политой. А дальше?... Сама служба казаков толкала усиливаться этому отчуждению и злобе...

Константиновская станица и рядом слободы Орловка и Мартыновка. Молодежь сходилась. Были и браки между слобожанами и казачками и обратно, но камень за пазухой всегда носили. Тоже и в Нижне-Чирской и рядом в Морозовской, в Каменской и в Степаново-Ефремовке и Криворожьи, везде, где близко соприкоснулись интересы казаков и бывших крестьян — Русских и малороссов.

(Продолжение следует)

П. Краснов.

Н а ш е з н а м я

К 75 летию со дня рождения генерала П. Н. Краснова

22 августа 1944 года исполнилось пятьдесят пять лет со дня производства Петра Николаевича Краснова в первый офицерский чин, в хорунжие, с прикомандированием Л.-Гв. к Атаманскому полку. В день производства П. Н. Краснову было 19 лет.

Род Красновых — старинный казачий род. Прадед его был сподвижником легендарного Платова, он пал под Колоцким Монастырем 25 августа, накануне Бородинской битвы. Свою любовь к военной службе генерал Краснов унаследовал от целого ряда своих предков. Уже шести-семи лет он знал поучения Суворова. Военная карьера его была предпрещена с детских лет. 55 лет в офицерских чинах! И в какую бурную эпоху! Немудрено, что послужной список генерала Краснова — это яркий, интересный роман. О доблестной службе его, о красивой, необычайной его жизни можно было бы написать целую книгу. В журнальной статье можно наметить только план этой захватывающей книги. Книги жизни воина и человека, нравственный облик которого долгое время будет служить примером новым поколениям не только казаков, но и всех русских людей.

После Павловского училища, которое П. Н. Краснов окончил фельдфебелем, — гвардейский Атаманский полк. Молодой хорунжий Краснов всей душой отдается строевой службе и сразу же увлекается кавалерийским спортом. На состязаниях в Михайловском манеже и на скачках в Царском Селе атаманец Краснов часто выходит победителем. Краснов великолепно знал и любил лошадей. В романах много художественных страниц посвящено этим верным друзьям казака.

В академии генерального штаба, куда в 1892 году поступил П. Н. Краснов, не сумели оценить по достоинству этого талантливого и подававшего столь большие надежды офицера. На одном из переходных экзаменов его срезали на незнании каких-то не имеющих никакого значения деталей. В то время в Академии господствовали схоластика и зубристика, совершенно не соответствовавшие живому и пылкому уму молодого офицера. Его величество Случай направил П. Н. Краснова по пути казачьего офицера и литератора, по пути, на котором он смог так блестяще себя проявить.

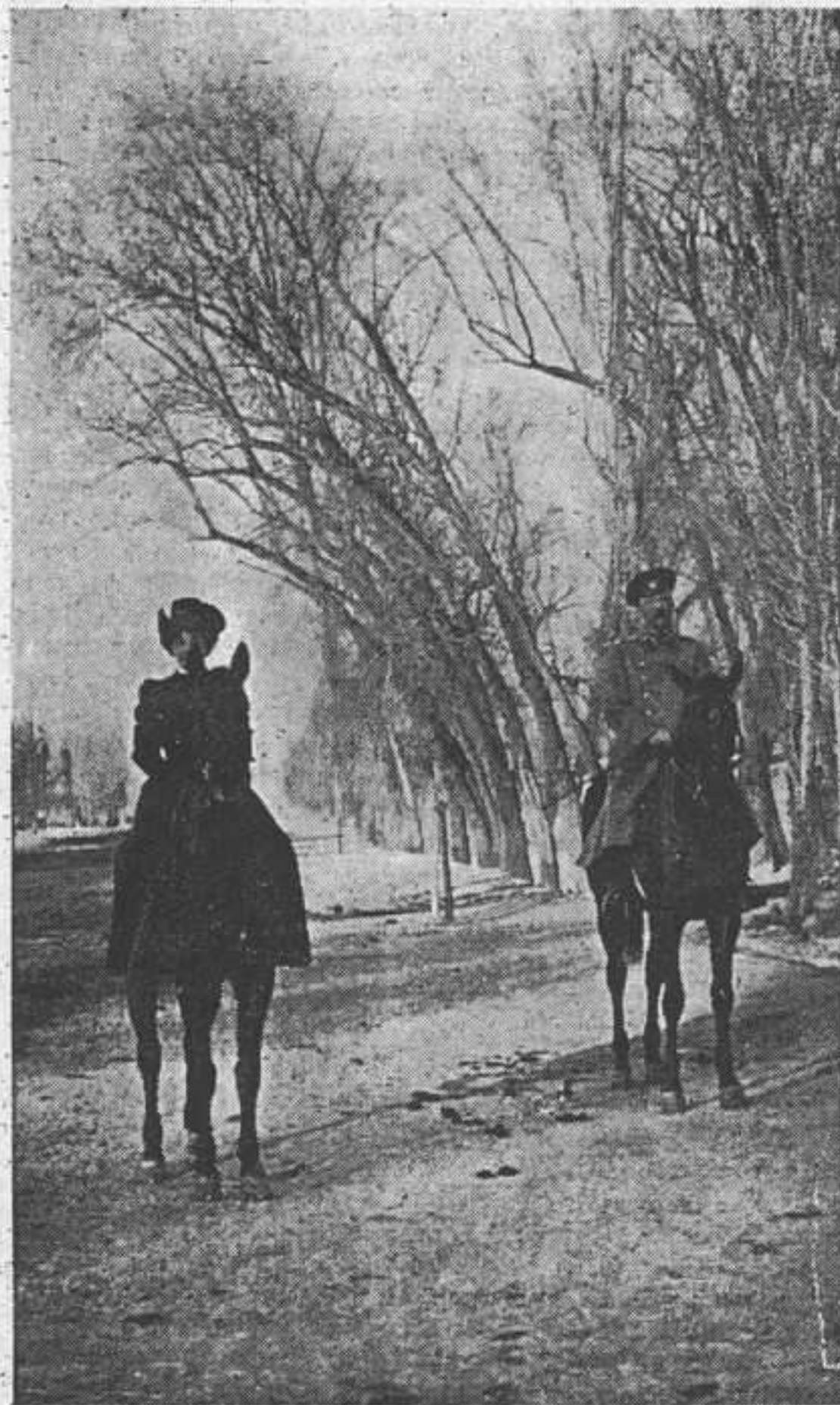
В 1896 году он вступил в брак с Лидией Федоровной Грюнейзен. Провидение послало ему верную подругу, разделившую с ним все скитания его героической жизни.

От своего отца П. Н. Краснов унаследовал литературный талант. В 1891 году была напечатана его первая статья в «Русском Инвалиде». В 1897 году П. Н. Краснов был послан в качестве начальника казачьего конвоя Российской Императорской Миссии в Ассирию. Вернувшись в Россию, он напечатал в «Военном Сборнике» свой «Дневник» с описанием этой командировки. Свежо и интересно написанная вещь обратила на себя внимание и молодой автор приглашается постоянным сотрудником в «Русский Инвалид». В 1901 году очерки Краснова, описывавшие большие маневры войск Красносельского лагеря, объединенные под общим заглавием «Трое в одной палатке», обратили на себя внимание Государя Императора и Государь выразил желание, чтобы в такой же живой форме была описана жизнь русских войск в только что приобретенной тогда далекой окраине — Манчжурии.

И вот, по Высочайшему повелению, подьесаул Краснов командировается на Дальний Восток. Там со своей неперемной спутницей, Лидией Федоровной, он объездил верхом всю Манчжурию, побывал в Уссурийском крае, во Владивостоке, в Порт-Артуре. Путевые очерки Краснова печатались фельетонами в «Русском Инвалиде». Зимой 1902 года П. Н. Краснов получил аналогичную командировку в Закавказье, на турецкую и персидскую границу, которые он также объездил верхом с поста на пост.

Легко можно себе представить, какими яркими впечатлениями обогатилась творческая фантазия П. Н. Краснова и сколько ценного материала дали ему эти впечатления при его дальнейших литературных работах.

Но вот наступает Японская война — П. Н. прикомандировывается к штабу Манчжурской армии в качестве военного корреспондента «Русского Инвалида». Но делая такие успехи на литературном поприще, П. Н. Краснов отнюдь не оставляет военную службу. Ему удается успешно совме-

Командир 1-го Ермака Тимофеевича полка Сибирского Казачьего Войска полковник П. Н. Краснов, с супругой, в 1911 году в г. Джаркенте, на китайской границе

щать два его любимых дела. С 1902 года П. Н. Краснов — полковой адъютант Л.-Гв. в Атаманском полку. В ноябре 1907 г. он поступает в офицерскую школу, окончив которую назначается начальником ее казачьего отдела. В 1911 году Краснов, в чине полковника, получает в командование 1 Сибирский казачий Ермака Тимофеевича полк. Период этого командования отразился в прекрасной его книге «На рубеже Китая». В 1913 году Краснов получает командование 10-м Донским казачьим генерала Луковкина полком. Великая война застает его командиром этого полка. Далее следуют: командование 3 бригадой Кавказской туземной дивизии,

2 сводной казачьей дивизией (1915 г.) и 3 конным корпусом (август 1917 года). Революция прервала блестящую строевую карьеру генерала Краснова.

1914 и 1915 годы П. Н. Краснов провел в почти непрерывных походах и боях. В короткой статье невозможно подробное описание всех боевых подвигов искусного и лично храброго военачальника. Краснов под Дзвоницами был в рукопашном бою. В 1915 году у Незвиска он был ранен и остался в строю. Пять раз в разных делах генерал Краснов лично атаковал неприятеля в конном строю. П. Н. Краснов получил Георгиевское оружие (14 августа 1914 г.), за боевые отличия был произведен в генерал-майоры (август 1914 года), получил орден св. Георгия 4 степени за конную атаку с 3 и 4 Заамурскими конными полками у станции Дзнияч (11 июня 1915 г.).

После революции генерал Краснов с 3 конным корпусом дрался с большевиками под Гатчиной, Царским Селом, Верхним Кузьминым и Пулковом, при движении на Петроград. Но корпус разложился и арестованного генерала Краснова доставили в Смольный Институт. Однако казаки 1 Донской казачьей дивизии выручили своего командира корпуса. П. Н. уехал на Дон. Начался новый этап его боевой деятельности — против большевиков.

В конце апреля 1918 года П. Н. Краснов прибыл в Новочеркасск. В то же время туда вошли части Степного Отряда Походного Атамана Попова и добровольцы полковника М. Г. Дроздовского. Круг спасения Дона 17 мая избрал П. Н. Краснова Донским Атаманом. С 4 мая 1918 г. по 2 февраля 1919 года Краснов пробыл на посту Донского Атамана. К ноябрю 1918 года все Войско Донское было очищено от большевиков, но с января 1919 года большевики огромными силами повели наступление. Настроение казаков изменилось и под давлением Войскового Круга генерал Краснов вынужден был покинуть пост Донского Атамана. Проведя весну и лето в Батуме и переболев вместе с Лидией Федоровной черной оспой, генерал Краснов был командирован генералом Денкиным в распоряжение Командующего Северо-западной армией генерала Юденича. Там он проделал поход от Нарвы до Царского Села в качестве простого добровольца, выдержал всю осаду Нарвы и издавал ежедневную газету «Приневский Край». После крушения Северо-западного фронта, в конце марта 1920 года, генерал Краснов покинул Ревель. Боевая служба его России окончилась. Начиналась жизнь на чужбине.

Но вложив в ножны дедовскую казачью шашку, П. Н. взялся за другое свое оружие — литературное перо. Своими яркими, увлекающими и зовущими на борьбу с угнетателями родины — большевиками, романами генерал Краснов продолжал свое служение Отечеству, продолжал наносить мощные удары его заклятым врагам.

Значение романов Краснова, как пропагандной художественной литературы, огромно. Без преувеличения можно сказать, что именно по романам Краснова иностранцы получили полное и правильное представление о том, что такое большевизм и какую страшную опасность представляет он для всего мира. Романы Краснова переведены почти на все языки: немецкий, французский, английский, голландский, польский, чешский, сербский, болгарский, испанский и итальянский и даже — японский. Покойный ныне генерал Головин в 1939 году писал в «Русском Инвалиде»:

«Я лично видел, как английский перевод романа Краснова «От Двуглавого орла к Красному знамени» увлекал американскую молодежь в Калифорнии; она познала правду о России, оклеветанной темными силами революции. Описание Краснова быта и боевой жизни Русской армии и, в особенности, казачьей — это перлы русской литературы и за один только эти страницы П. Н. Краснов будет причислен потомством к сонму русских классиков, так же точно, как в летописях Русской армии он будет почитаться одним из ее героев-военачальников».

А за последние годы пишущий эти строки много раз был свидетелем того, с каким жадным интересом зачитывались романами Краснова освобожденные Германской армией бывшие советские, а ныне русские люди и особенно молодежь.

Спрос на Красновские романы был огромный, все стоки были быстро распроданы, для новой многотысячной аудитории их не хватило. В новой Свободной России новые поколения будут зачитываться романами Краснова. По ним не только будут познавать Россию, по ним будут учиться жертвенному служению Отечеству, бранным подвигам и подлинному не квасному патриотизму. «В истории Дона — два Красновых, — писал о П. Н. казачий генерал С. Позднышев. — Их разделяет столетний промежуток. Но оба они на одно лицо. Одна душа, одно сильное чувства долга».

Семьдесят пять лет красивой и примерной жизни, пятьдесят пять лет службы в офицерских чинах России и родному Тихому Дону — вот генерал Краснов. И ныне он не ушел на заслуженный покой. Как старейший атаман, он встретил казаков всех одиннадцати казачьих войск, выступивших на последнюю и решительную борьбу с большевизмом и стал во главе их.

Генерал Краснов это наш символ, наше знамя. Генерал Краснов приведет казачество к победе.

Е. Тарусский.

Под свободные знамена

(На мотив песни «Стенька Разин»).

Под свободные знамена
Добровольческих полков
От Кубани и до Дона
Шли отряды казаков.

Не за власть кремлевской клики:
Тунеядцев и жидов —
За народ казачьи пики
Будут бить большевиков.

За поруганную церковь,
За расстрелянных отцов,
За погибших в тридцать третьем
Всех кубанцев и донцов.

За спаленный край казачий,
За станицы, хутора,
За детей и женщин плачи
Отомстить пришла пора.

Для последней смертной брани
Собираются они —
Дона, Терека, Кубани
Православные сыны.

Казак Семен Дежнев

В 1632 году, как раз пятьдесят лет спустя после того, как Ермак взял Истер, на Лене был основан Якутск. Через десять лет Якутск стал таким же административным центром для Восточной Сибири, каким был для Западной — Тобольск.

Отсюда пошло дальнейшее завоевание края в трех направлениях: 1) на северо-восток к Берингову проливу, к Берингову морю и на Камчатку, 2) прямо на восток к Охотскому морю и 3) на юг к Амуру.

Казачьи плыли по Лене и ее притоку Алдану, устремляясь от реки к реке, пробираясь то по воде, то по суше до Колымы. Другие плыли вниз по Лене до ее устья и оттуда вдоль берегов Северного Ледовитого океана. Они плыли на своих котшах, плоскодонных, деревянных барках с примитивными парусами. Казаки не имели морских канатов, ни дегтя, ни даже гвоздей. О сложных корабельных инструментах они имели самое смутное понятие. Они плавали раньше только в пресных водах, и теперь должны были бороться с солеными водами моря.

Они, однако, отважно пускались в открытый океан, всегда и везде преследуя ту же цель — добычу мехов. На севере они искали также китовый ус, моржевые клыки и клыки мамонта. В тундре они искали и находили замороженные туши мамонтов. В течение двух столетий в полярной Сибири было найдено 22 000 мамонтов.

Казак Тимофей Будлаков осенью поплыл вниз по Лене и потом на восток. В устье реки Хромы, по его словам — «было темно, а на следующее утро море замерзло». Тимофей оставался там три дня и толщина льда достигала ширины ладони. На четвертый день всех унесло на льдине в море. На шестой день ветер утих и вода замерзла. Тогда казаки пошли по льду, ища дорогу, и наткнулись на судно одного из своих товарищей Андрея Горелого, который так же, как они замерз во льду. Так прошло несколько дней, после чего вода прибыла с моря, разорвала ледяной покров и вынесла казачьи суда через пять дней и ночей в море. — «Прежде гнев Божий не так был велик, и нынче мы должны под конец все погибнуть» — сказал Тимофей Будлаков. Ветер снова задул, льдины понесло по воде и котши разделило, а запасы продовольствия попадали в ледяные трещины. Казаки не взяли с судов своих оаней. Они уже не в силах были тянуть их за собой, так как все они болели цынгой.

В течение девяти дней боролись они таким образом за свою жизнь на льду, пока достигли земли. Эти люди были сделаны из железа, ибо после подобного путешествия на берегу, они изготовили себе лыжи, и «холодные и голодные, голые и босые» прошли еще много десятков километров и достигли, наконец, зимнего лагеря на реке Яне.

В 1635 году атаман Елисей Буза поплыл с отрядом казаков и с сорока охотниками вниз по Лене, потом в восточном направлении по берегу до устья Онежск, к месту, где водились самые лучшие в мире соболя. Свернув далее на восток, Буза прибыл в следующем году к устью Яны. Одновременно прибыл туда же с верховьев Яны Позник Иванов со своим отрядом. Они вместе добрались до реки Индигирки. Позник имел ватагу в 35 человек, считая такой отряд вполне достаточным, чтобы заставить юкагиров платить подать. Юкагиры, однако, держались другого мнения. Дело дошло до длительных и жестоких боев, после которых Позник разбил свой зимний лагерь и получил солидное количество мехов и мамонтовых клыков, за которые ему все же пришлось заплатить ценою жизни половины своих людей.

Казаки тонули в море, умирали от голода и цынги и гибли от отравленных стрел юкагиров.

В ледяном тумане маячила им феерическая Фата-Моргана. Им грезилось быстрое обогащение и благословенная жизнь без забот.

Кому могла улыбнуться такая судьба? По всей вероятности — никому.

Костры хвороста пылали на ледяной поверхности. Так согревалась вечно мерзлая земля, которая летом оттаивала самое большее на два метра, а глубже оставалась замерзшей и крепкой как лед. Если кто хотел на этой земле построить себе дом, должен был сначала провести трудные подготовительные работы. Иначе почва согревалась под домом и поднималась, вода протекала и стены обрушивались. В этих пространствах корни деревьев не растут в глубину, но в ширину, что делает леса не устойчивыми. Все идет там в ширину и вдаль. Тундре нет границ. Она тянется через лед к океану. Облака на небесах сливаются с землей. Часть Сибири, в которой так таяли некогда силы казаков, — самая холодная часть земли.

У Верхоянска, на реке Яне, лежит холодный пояс земли, где температура зимой падает до 70° ниже нуля.

Стойкими и выносливыми людьми были казаки!

В 1644 году разбил один из них, Михаил Стадухин, свой зимний лагерь на Колыме. Так основался город Нижне-Колымск. Позднее был там рынок мехов и чукчи и якуты привозили соболей, бобров и моржевый клык для обмена на кожи, водку и табак. Стадухин пробыл там два года. Он собрал сведения о дороге в страну чукчей на реке Погиша. Ему сказали, что пути туда три дня и моржевого уса там хоть завались. Эта река Погиша, по всем тогдашним рассказам имела истоки свои в Восточной Сибири. Все ее искали, но никто не мог ее найти. Теперь точно установлено, что это была речка Покаши, которая впадает в Берингово море.

Спутник Стадухина, Симеон Дежнев, внимательно прислушивался к рассказам о Погише. Уже давно стремился он в этот район и искал случая сделать «хорошее открытие». Он беседовал со Стадухиным о Погише. Никто еще не мог проникнуть в страну до этой реки — «а что попытаться через море? — думал Дежнев.

В следующем году начал Стадухин этот поиск. Он поплыл по Яне, оттуда через полярный пояс к Колыме, открыл там в 1649 году две котши и пошел на них восточнее.

После семи дней и ночей плавания, потеряв одну котшу и не найдя устья реки, он возвратился, как всегда, с полным грузом моржевого клыка.

В то же самое время, была предпринята другая экспедиция — также в поисках Погиши. Во главе ее стоял Федот Алексеев, отважный кунец и искатель приключений, прибывший в эту отдаленную страну из Белого моря. Ему сказали, что там живут «одноногие и однорукие люди» и он думал, что с такими людьми ему будет легче вести торговлю.

Алексеев построил в Колыме четыре котши и отправился под парусами искать Погишу. Ледяная стена заставила его повернуть обратно. Не найдя дороги, он решил возобновить поиски в следующем году. На этот раз пошло еще две котши. В одной из них плыл сам Семен Дежнев с своими двадцатью пятью казаками.

Наконец, представился Дежневу случай сделать «хорошее открытие».

Он имел все сведения о Погише и так был уверен в успехе, что обещал наперед Алексею 280 соболей.

Экспедиция вышла из Колымы в море и взяла курс на восток.

Когда они обогнули последний выступ азиатского материка, который ныне называется мысом Дежнева, одна котла разбилась, а другая была унесена в море. Дежнев на своем судне поплыл дальше на юг, прошел мимо устья Анадыря и был выброшен на берег.

Это произошло в 1648 году. И это значит, что казак Дежнев в этом году приплыл из Северного Ледовитого океана в Тихий океан, т.е. открыл Берингов пролив на пятьдесят лет раньше, чем это сделал Беринг.

Позже он послал сообщение о своих приключениях якутскому воеводе, который должен был переслать его далее в Москву. Основание к этому сообщению было двойное. Во-первых, Дежнев по своему убеждению состоял на службе у Царя и если он старался «частным образом» получить как можно больше доходов, то все же он хотел получить и царское жалованье. Во-вторых, он хотел непременно установить свое первенство в этом открытии. Он не думал об обогащении науки, но хотел обеспечить за собой добычу моржевого клыка.

Его донесение было просто и кратко. Он рассказывает в нем, как он был выброшен на берег и после со своими людьми пошел на север и лишь через десять недель очень трудного путешествия, достиг Анадыря недалеко от его устья. Там казакам было очень плохо — ни леса, ни чукчей. На этом безотрадном месте Дежнев перезимовал, и лишь в следующем году поплыл вверх по Анадырю. Выше он наткнулся на людей, которые называли себя анаулами и оказались очень воинственными. Это, однако, не помешало изнуренному и изголодавшемуся Дежневу брать с них дань мехами.

Здесь заложил Дежнев город Анадырь. Это был самый крайний восточный пункт русского проникновения в Сибирь.

В апреле 1650 года, в этом городе имел он удовольствие приветствовать новую экспедицию, которая прибыла туда из Колымы сухим путем. Появление казаков под предводительством Мотори ободрило Дежнева. Они совместными усилиями построили лодки и поплыли летом 1652 года вниз по Анадырю до его устья. Эти казаки были первыми русскими, которые по этой реке достигли Берингова моря. В устье реки наткнулись они на песчаную косу, где они были вознаграждены за долгие лишения, так как они нашли здесь целые горы моржевого клыка.

Но Моторе не суждено было воспользоваться плодами своей «находки». В том же году он был убит чукчами.

Дежнев должен был вернуться в город Анадырь и начал рубить лес для постройки судов. Он хотел водным путем достичь устья Колымы. В подготовке к обратному пути прошел еще один год и опять прибыл к нему новый отряд казаков во главе с казаком Юрием Селиверстовым. Дорога сухим путем в Колыму была найдена.

Недалеко от устья Анадыря Дежнев встретил в одном корякском лагере якутку, которую Алексеев взял с собой в свое далекое путешествие. Дежнев спросил ее о судьбе ее господина — «господин и его спутники потеряли зубы» — ответила якутка и прибавила: они ушли к Высшему Атаману. Других убили коряки, прочие уплыли на маленьких судах...

Дежнев понял, что Алексеев помер от цыгги. — «Хочешь ли ты возвратиться к своим?» — спросил он якутку.

Якутка отрицательно покачала головой. — «У меня теперь есть другой господин. Он дает мне столько рыбьего жира, сколько я хочу. И сделал мне вот этот подарок».

Она расстегнула ворот своей рубахи и показала висящую у нее на шее на цепочке серебряную медаль за заслуги. С какого казака была эта медаль снята? Дежнев не стал ее спрашивать.

Перевел с немецкого Е. Букреев.

ВОРОТНИЧОК

Накануне Нового года, который мне пришлось встречать в первый раз вдали от Кубани, я подшивала воротничок к гимнастерке. И тогда мне вспомнился случай из моей фронтовой жизни.

Вместе с германскими войсками в марте 1943 года наша 1-я казачья горная сотня отходила с боями на Таманский полуостров. Некоторое время мы находились в станице Славянской на передовой линии. Я занимала квартиру у казака Себедаш. У него была дочь Нина, с которой я подружилась. Я получила костюм медсестры и для френча шила воротнички. Нина мне помогала. Ниночкина мама называла меня дочкой, ухаживала за мной, как за своей Ниной, кормила меня, как родную. Мать с дочерью ко мне привязались. Это было понятно, ибо мы были казачки. Кровь и дух наши были одни.

Нам нужно было оставить Славянскую. Отец Нины вступил в нашу сотню добровольцем и уходил с нами. Нина и мать оставались дома. Я с Ниночкой рассталась, как с родной и любимой сестрой. Мы ушли, они сделались пленницами красных.

...Шло время. На Кубанском фронте тысячами уничтожались большевики. Наша сотня находилась на передовых позициях в горах у Новороссийска. Отец Нины, смотря на меня, часто вспоминал свою дочь Нину. Он проклинал себя за то, что не взял ее с собой.

Однажды, в станицу Раевскую привезли партию военнопленных девушек, пулеметчиц и зенитчиц. Говорили,

что среди них есть девушки-казачки из ст. Славянской. Славянцу Себедаш разрешили поехать на ст. Раевскую посмотреть своих станичниц... Он стрелой помчался в лагерь военнопленных. Сердце его готово было разорваться на куски. Вот и ст. Раевская, вот и лагерь. Вот он уже разговаривает с пленными девушками... К нему позвали его станичниц. Подошла к группе беседующих рослая и здоровая девушка. Казак Себедаш взглянул на нее, остолбенел и бросился к ней: в его объятиях была родная дочь Нина, та самая Нина, та самая Ниночка, которая шла со мной воротнички и снаряжала меня в поход. Она была пулеметчицей у красных. Взяли ее в плен на передовых позициях.

Отец плакал и смеялся от радости, как ребенок. Он спросил о матери. Нина свела брови и тихо сказала:

— За тебя красные маму расстреляли, а мне расстрел заменили отправкой на передовую линию. Я воевала с тобой, а теперь, видишь, мы вместе...

Мать погибла, но дочери не суждено было умереть за Сталина. Сейчас она вместе с отцом находится в казачьих войсках. Вместе с ним отважно воюет против большевиков за честь и славу казачества, за свободу своей Родины и своих станиц...

...Вот что мне напомнил воротничок, который я подшивала к гимнастерке накануне Нового года.

Медсестра Кубанского Казачьего Войска Мария Ярыш.

Казачка ст. Марьянской.

Богатырская сказка-быль

(Продолжение *)

Вот вечерная заря
В зареве проходит
И под звездный небосвод
Месяц красный всходит.
Серебрятся облака
Ветерок чуть дышет
Всё уснуло — лишь сова
На два уха слышит.
Да в лесу голодный зверь
Тихо песнь заводит
Эдак жалобно сперва,
А потом проводит
Ноту в высь, как дишканта
Старого прихода.
Так с минутку попоёт,
А потом вдруг втора
Откликается на зов
С певческого хора.
И скликаются... Потом
Вместе соберутся
И давай спевать гуртом
Аж подпруги рвутся...
Чудный зверь, — что говорить,
Прямо удивленье...
У опушки на лугу
Волчье представленье.
Посредине регент сам
А кругом капелла,
Кто постарше — тот сидит
Чинно для примера,
А дробнота — позади
К мамкам примостилась,
Что как дети безпризор
Только что резвилась...
Тявкнет регент, а ему
Сзади отвечает
Старший волчий из басов
Что все песни знает:
Мол-де «ноту подавай»,
А мы не отстанем.
Про кобыду, чтоль зачни,
Жива все подтянем...
Ну, об этом говорить
Долго-б сказка длилась
Песня-ж волчья вдруг за миг
Как луна скатилась.
Все замолкли — как один
И... насторожились...
Луг как вымер... голоса
Эхом дальним скрылись.
Тихо... тихо... лишь сверчок
Пастушка свирелью
Нарушает тот покой
Прерывистой тредью.
И ему, как будто в лад,
Комары все важно
Тонким голосом вторят
Песню ту протяжно...
Росный воздух... Вот трава
Вниз к земле прильнула
И пред утренней зарей

Сладким сном уснула.
А в волнистых облаках
Тучки серебристой,
Месяц кутает свой лик
Пеною пушистой...
И соловушка притих
Под шатром в дубраве...
Тишина... Застывший луг
В сумрачной оправе...
И как-будто светлячки
Изумрудным светом
Блещут волчни глаза
Утренним рассветом.
Замелькали тут и там,
Стали вдруг кружиться
Всё быстрее... Вот в кустах
Тень от них ложится.
Слышен шорох... ляск зубов...
Тихо кто-то взвизгнул
И умолк... Чу!?!... Луч зари
Блеклым светом брызнул
И... вдали... вдали... чуть... чуть...
Ухо слабо ловит
Конский топот — то рысцой
Верховой готовит
Припустить коня в галоп
Перед «Волчьей Балкой»,
Где волчица раз дитя
Принесла с качалкой,
Вот добрался верховой
Вплоть до перелеска
Повод ближе подтянул
И пустился с места...
Ближе, ближе «Волчий Яр» —
Чуть дорожку видно
Конь хранит и хлещет кнут
По бокам обидно.
Будет вправо поворот,
А потом дорожка
Прямо к хутору идёт
Ровная — как стежка...
Не видать конца пути,
Хоть до цели близко
Ветки хлещут по лицу,
Что склонились низко.
Вот и «Волчий Луг» — в кустах
Нары глаз, как свечки,
Взором пламенным горят
Точно жар из печки.
На пути стоит один
Старший волчий в стае
Точно вкопанный, с пути
Взора не спуская
И с разбега верховой
Перед ним как ветер
Быстро в сторону вильнул
Беды не приметив.
Только конь вздрогнул, но с мест
Стая вся сорвалась
И кольцом вокруг коня
Вмиг образовалась.
Конь храпит и путник наш
Точно вихрь несётся

Хлещет плетью, рвёт уздой
Гик за ветром вьётся.
Силы тают у коня
Путник обернулся
В этот миг конь от хлыста
Вдруг в дугу согнулся.
А на холке у него
Острыми зубами
Волк вцепился, точно клещ
И повис с ногами.
Малый маху тут не дал
Ухватил за шею
И что силы глотку сжал
Ловкому вишь зверю.
И втроём уж понеслись
Чаша проявилась
Хутор близок, а зверьё
Тут уж с толку сбилось.
Не нагнать того, кто смерть
Перегнал ногами
Конь был крепок, а седок
С цепкими руками.
Так втроём через забор
И перемахнули
Добре низок был, а то-б
Шею все свернули...
— «Ну, Корнилыч, в добрый час
Встретил ты мальчонка
Вот, уж крепко-то прижал
Старого волчёнка, —
Что от шеи отцепить
Руки ломаешь.
Ты «свячёной» принеси —
Поморок спужаешь.
А-то сердце у него
Живо больно бьётся.
В пасть же волку
Клин воткни,
Чай и тот проснётся
От свячёной-то воды
Целый мир наш знает: —
Средство крепкое — оно
Лух восстанавливает...»
Тут соседи второпях
Собрались на голоб
Старой бабушки «Волчка»,
Что рвала свой волос
С причитаньями, без слёз,
Малый казачёнок —
Что в глухих монастырях
Клирос пел духовный...
Быстро весть от хуторян
Перешла в станицу,
А чтоб красочна была
Всяк плёл небылицу...
Но, от славы не ушел
Малый казачёнок —
Дали прозвище ему:
«Хуторской Волчёнкой»...

(Продолжение следует)

Есаул Вениамин Поночевный

*) См. № 35 «На Каз. посту».

Кубанцы-артиллеристы зажигательными гранатами разбивают и поджигают бандитские гнезда

Умение побеждать

В подавлении восстания поляков в Варшаве, в августе сего года, горячее участие принимали казаки 11-го казачьего пешего полка под командованием войскового старшины Бондаренко.

Несмотря на неподготовленность полка к таким трудным и сложным операциям, как уличные бои в большом городе, полк доблестно выполнил боевую задачу, вписав еще одну страницу славы в историю казачества.

Несколько сот пеших казаков взяли в плен более пяти тысяч польских повстанцев, проявили необычайную храбрость в уличных сражениях и тем самым много помогли немецким частям СС в подавлении мятежа.

За лихость и отвагу, проявленные в варшавских боях против коммунистических банд и их приспешников, Германское Командование наградило орденом Железного Креста много участвовавших в бою казаков и казачьих офицеров.

В специальном приказе Казачьим Войскам (№ 12 от 31. 8. 44 г.), Начальник Главного Управления Казачьих Войск генерал Краснов особо отметил боевые подвиги 11-го Казачьего пешего полка в мятежные варшавские дни и от лица службы объявил благодарность всему личному составу полка за проявленное мужество, за доблесть и казачье умение побеждать и без достаточного снаряжения и подготовки.

Приняты меры к тому, чтобы раненых казаков поместить на казачьей земле, в кругу своих родных.

Что было

Боевые подвиги

Предрассветный легкий туман, смешанный с дымом пожаров, окутывал улицы Варшавы, когда 3 сотни казачьего полка вступили в боевом порядке в восставший город.

Командирам сотен представитель Германского Командования вручает карты польской столицы с отмеченными улицами и домами, превращенными повстанцами в очаги сопротивления.

Наскоро построенные баррикады, заложенные кирпичами окна с амбразурами для пулеметов, гранаты, сбрасываемые с верхних этажей, и автоматные очереди с чердаков и подвалов, вот то, что встретили на своем пути казаки.

Первая сотня попадает на более укрепленный участок сопротивления. Почти из всех окон шестизэтажного дома сыплются вражеские пули. Хорунжий Пашкин, командир противотанковой пушки, получает приказ подавить огонь. Вражеский обстрел усиливается.

Но четко работает орудие. Смолкают захлебнувшиеся автоматы, звенят разбитые стекла окон, сыплются кирпичная пыль. И снова огрызается автомат из уцелевшего окна,

Баррикады!

Из отверстия, проделанного в кирпичной стене баррикады, казаки наблюдают за движением противника

в Варшаве

№-го казачьего полка

Донские и кубанские казаки в бою против польских бандитов

и снова свистят пули над казачьими головами, и снова слышится команда: «Огонь!».

Вдруг неожиданность. Домик дачного типа, рядом с которым стоит орудие, открывает фланговый огонь. Он не был отмечен на карте очагом сопротивления и долго коварно молчал.

— «Барзо динькуем пани за место своего обнаружения».

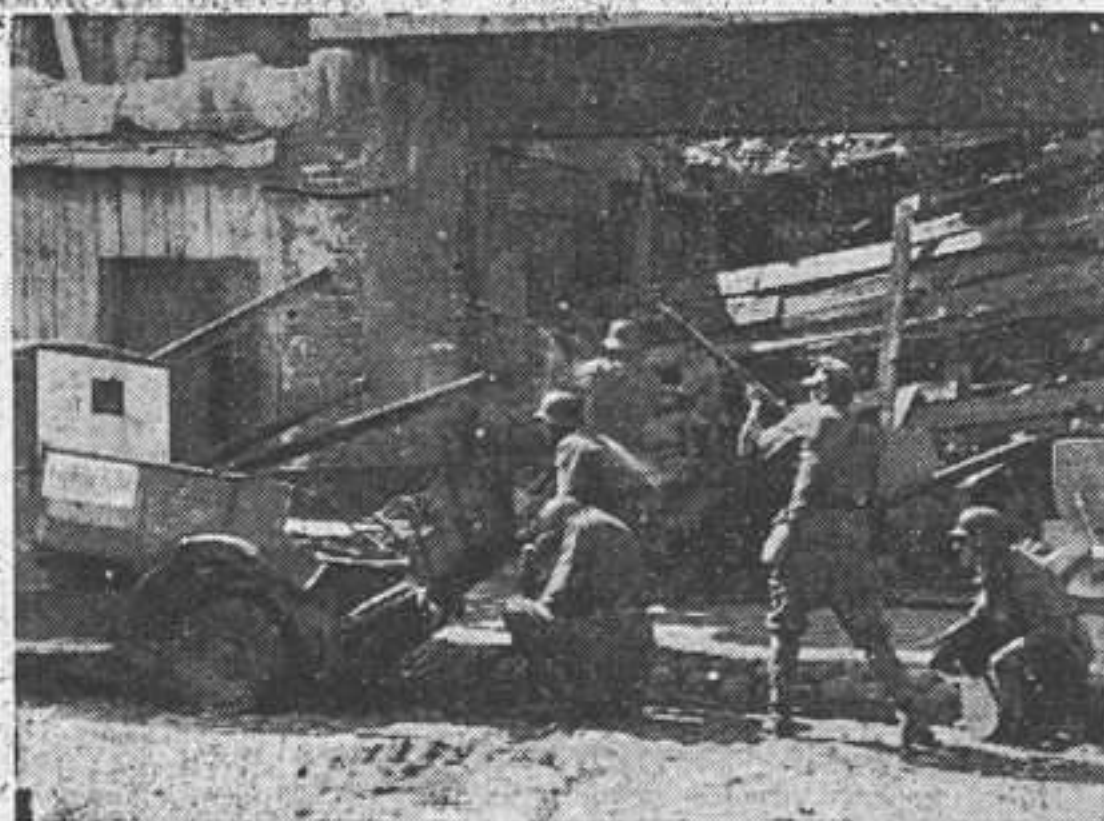
— Прямой наводкой, огонь! — раздается команда.

Смолкает автомат. Короткая пауза. Третий номер прислуги перевязывает рану. Но вот опять свистят пули, снова команда:

— В крайнее окно, слева! Огонь!

И третий номер прислуги вгоняет в ствол орудия снаряд за снарядом.

Одновременно с артиллерийским обстрелом цепь казачков-автоматчиков задними дворами заходит с тыла. 6-ти этажный дом с повстанцами в кольце огня. Из окон верхнего этажа валят клубы дыма. Словно тараканы, выползают из подвала повстанцы. Лица бледны, руки подняты кверху.

В уличных боях, кроме храбрости, требуется особое умение, сноровка и находчивость. — Враг невидим и он повсюду. — Засевшего в полуразрушенном здании неприятеля казаки обстреливают с улицы, пользуясь как прикрытием разбитым автомобилем.

Казачий подарок

Командир и офицеры №-го казачьего полка, действовавшего в Варшаве при подавлении восстания, преподносят кубанку командующему в этом районе войсками **№**.

Покров в Кубанской станице

Отрывок из романа «Вольная Кубань»

В романе описана жизнь казака Петренко в Кубанской станице в 1913 году. Петр и Даша — главные герои романа. Федька — брат Петра.

...Ко дню Покрова Пресвятой Богородицы, Тарас Петренко со всей своей семьей, окончив в степи зяблевую пахоту, возвратился в свой просторный дом, в станицу. Одновременно от степного становища были привезены откормленные на «царыне» сотни кур, гусей, уток, пять кабанов, более полсотни овец и проч. Энергичный труд, затраченный в летнюю пору, щедро вознаградила труженника-хлебороба.

Праздник Покрова считался большим и высокопочтенным праздником в среде казаков не только потому, что это был престольный день станицы, но, кроме того, — это был день торжества трудолюбивого землепашца.

Начавшаяся четыре дня тому назад «Ивановская» ярмарка в этот храмовый праздник была в полном разгаре. Многочисленные палатки шинкарей и передвижных тракторов день и ночь не закрывались, откуда неумолчно раздавались нестройные голоса разнообразных напевов, исходивших от непрохмелявшихся казаков. Сотни торговцев за прилавком временно сооруженных магазинов и в палатках все время зазывали покупателей, предлагая множество различных высококачественных товаров. Но не очень обращали внимание хлеборобы на призыв торговцев, так как изобилие всяких товаров было постоянно и не в ярмарочные дни.

У всей многочисленной толпы станичников, и старых и малых, были новые праздничные наряды, в которых они гордо щеголяли по многолюдной ярмарке.

В одном конце ярмарки происходила торговля лошадьми. Цыгане-шабан, с длинными батогами в руках все время сновали в этом месте, поминутно шлепая продаваемых коней, предлагая хозяину своих «воронных» с обязательной денежной придачей, в то же время приговаривая: «цыган за додачею, як собака за маслом».

Один рыжеусый казак, в поношеном пепельного цвета бешмете, ударил по рукам с высоким цыганом, доставая из кишени двадцать восемь карбованцев, за серого коня, покупаемого у этого цыгана.

Цыган поспешно перекрестившись, достал из под копыта коня горсть земли и уже хотел передать повод коня казаку, но в это время к ним подошел Савка Корж.

— Да ты, кум, с ума снятил, покупая у цыгана коня? Ей Богу, надует он тебя, — сказал Корж, покупавшему коня казаку.

Нет, это ты напрасно, ты посмотри какой он ширый! — кум не успел приподнять кнут, как конь сразу затопал ногами, силясь вырваться.

— Не верь, кум, этому. тошанью, цыган делает коня ширым только для ярмарки, — продолжал убеждать его Савка. — Ты послушай, как они делают: цыган вечером привязывает коня до кола воле своего шатра и всю ночь лупит беднягу батогами, отчего к утру у бедного животного вся кожа покрывается волдырями и становится такой болючей, что чуть прикоснешься батогами, как конь сразу и подпрыгивает, только не от ширости, а от боли.

— Ох, казаче, неправду говоришь, напрасно Бога гневаешь! Разве мой плохой конь? — задетый за живое, обиженным тоном сказал цыган.

— Бреши, бреши больше, — начиная злиться, продолжал доказывать Корж. — Нашел дураков, ищи в другом месте, а мне очки не вогрешь! Знаешь, кум, в прошлом году я купил у цыгана вот такого же «широго» коня, за-

платил за него двадцать шесть карбованцев. Через два дня он стал хуже вола, да еще и норовистый. Я не мог держать в своем хозяйстве такую пакость и со злости опять продал его и кажется тем же цыганам, но выручить удалось мне за него только двенадцать карбованцев. Это сущая правда, кум...

Как ни старался цыган расхваливать своего коня, но рыжеусый казак послушал доброго совета Савка, уже раздумал покупать и счел благоразумнее пойти с кумом в рядом расположенный балаган, откуда доносились горластые нестройные песни пьяных станичников. Только к вечеру оба кума вынюзали оттуда на четвереньках, оставив в балагане значительную долю предназначенных для покупки коня денег.

У длинного ряда лотков с различными сладостями, круглый день толпилась шумная детвора, выбирая каждый по своему вкусу любимые лакомства.

Наигрывающую на все лады шарманку, окружали не только дети, но и взрослая молодежь. Приехавший из города «шарлатан» все время вертел за ручку, а сверху на ящике шарманки сидел небольшой попугай и своим изогнутым клювом время от времени тянул из небольшого картонного ящичка — «счастье» (записочки, с написанным ответом на задуманное). В свободное от своих «обязанностей» время попка, грыз насыпанные ему семечки, выплевывая шелуху и отделяя для употребления только чистые зернышки.

— Попка, вытяни счастье! — обратился к попугаю один подросток, стоявший вместе с Федькой Петренко. Попугай только замотал отрицательно головой и продолжал щелкать семечки. А когда этот мальчуган подал шарлатану конейку, и тот повелительно сказал:

— Попочка, дай одно счастье! — Попочка сразу же стал перебирать клювом записочки, вытащил из них одну и передал, уплатившему деньги подростку.

Один пьяный казак подошел к шарманке и в начале непонимающе устремил свой взгляд на попугая, затем громко срыснул его:

— Попка, а покажи-ка всем, как пьяного мужа баба колотит?

— Попугай завизжал во все горло, захлопал крыльями, прыгнул на голову этому казаку и принялся лупить его крыльями и клевать в голову. Пришлось шарлатану унимать расходящегося попку под хохот всех собравшихся.

Невдалеке от места, где стоял ящик с попкой, расположился со своим игральным столиком другой ростовский шарлатан, который стараясь привлечь к себе внимание публики, неумолчно кричал:

— Эй, навались, у кого деньги завелись, билет без пустого, товар прибыл с Ростова, небольшая забота лишь бы пятак и охота! Тут есть сережки, брошки, чайные ложки, духи, помада, кому чего надо. Эй, давай, давай, давай...

Любопытные подходили к этому шарлатану, клали на цветной линии игального столика медные пятаки, колесо вертелось и когда останавливалось, пятаки на 99 процентов переходили в карман халтурщика.

Не желая более болтаться среди всех этих зрелищ, Федька один направился к лоткам, где продавались всевозможные сладости.

Сновавшая по ярмарке вездесущая цыганка-гадалка, за-

метила, что Федька уверенно направляется к лоткам, догадалась, что этот парень вероятно с деньгами и любезно остановила его.

— А ну, красивый, дай-ка руку, погадаю! Ой, какой счастливый будешь! — преграждая путь обратилась она к Федьке, не стесняясь поживиться даже и за счет детей.

— А, иди ты к лешему, не хочу! Иди вон девчатам, да хлопцам гадай! — ответил Федька и постарался поскорее уйти от нее. Располагая суммой денег в одну копейку, он предпочел купить на эти деньги большой кусок белой тянучки, чем зря отдать цыганке.

Толпа парубков и девок, ощипывая кисти только что купленного винограда, с шутками и насмешками обступила гадалку.

— Эй, баламутка, угадай-ка кого первым родит моя жена мальчика или девочку и скоро-ли? — обратился к цыганке один парубок. Цыганка знала, что вся эта, обступившая ее молодежь намерена только посмеяться и все, поэтому и она им отвечала тем же.

— Хотя ты и смешливое спрашиваешь, а я все же скажу тебе всю правду, — отвечала она этому парубку. — Твоя непорочная красавица, с которой ты познакомишься только в момент женитьбы, на третий день после свадьбы принесет тебе и девочку и мальчика.

— Здорово угадала! А ты не скажешь, где сейчас находится моя будущая жена?

— А вон за речкой пасется, стрёноженная, видишь! — указав пальцем в сторону находившейся за речкой рыжей кобылы, — отвечала ему цыганка.

Под смех других, этот парубок отошел и к цыганке стал приставать другой.

Скажи-ка лучше мне, красивая ли будет у меня жена?

— Тебе? — переспросила наново клиента цыганка, — и приняв серьезное выражение лица, начала: у тебя будет такая прелестная красавица, каких во всем мире не было. Пижма стройная, как стебель подсолнуха, а что другой ноги до колен нету, то это ничего. Глазенки, ай, ай, что за глазенки! Один так и сняе разноцветными оттенками, а другой... а другой вылевала гава, когда она спала, ну это не беда. Зато на одной только руке имеется шесть пальцев. Волоса черные, как сметана, личико белое, как сажа и пёжное, как рашпиль, а носик, Господи, что за носик! Я вчера шла по улице с горшком молока в руках, а рядом шагала твоя красавица. По пути я ее о чем то спросила, она, отвечая, повернула ко мне голову, и своим носиком выбила из моих рук горшок...

— Замолчи, ты, обезьяна, будь ты проклята со своим гадаьем! — рассердившись сам не зная почему, прикрикнул на нее пристававший к ней парубок.

— Вот тебе веточка с виноградом и погадай лучше мне! Я без смеха, да только правду говори, — обратилась к цыганке, стоявшая здесь Даша, передавая кисть винограда.

— За виноград спасибо, а чтобы правду сказать, то прежде нужно позолотить ручку, — отвечала ей цыганка, и протянула руку.

— Вот жадная какая, ну да на, Бог с тобой, только гадай! — и Даша кинула ей на подставленную ладонь две копейки, протянув ей для гаданья свою правую руку.

— Ой, счастливая, счастливая, моя черноокая галочка, — пряча деньги и еще не посмотрев на руку Дашы, заговорила гадалка. — Счастье около тебя так и ходит, так и кружится. Жить будешь ты до самой смерти. Желанье твое исполнится. Ты выйдешь замуж за красивого парубка и будешь жить с ним почти как с мужем. Чернобровый около тебя так и увивается и напрасно ты его не любишь.

— Бреешь, люблю! — перебила ее Даша, неожиданно высказав то, о чем она думала и, покраснев, отошла в сторону.

Петр подошел к Даше, взял ее за руку и они, оставив гадалку и толпу молодежи, пошли к качели.

Обождая остановки вращавшейся пять минут качели (карусели), они уселись на «тачанку», ожидая нового сеанса вращения. Впереди них, верхом на деревянных «конях», сидели два подвыпившие парубка и, хлопая своих «коней» ладонями по «гриве», все время кричали: «Но, но, чертяка! Чего стоишь? пошел, по!...» Но «кони» их пока не двигались.

Прозвенел колокольчик, заиграла шарманка, скрытая в центре качели, и все «кони» и «тачанки» поплыли вокруг одной точки вместе с сидевшими на них «пассажирами».

У Дашы немного закружилась голова и она, боясь упасть, прильнула к сидевшему с ней своему возлюбленному.

— Слушай, Дашенька, — полушопотом обратился Петр к прильнувшей к нему девушке. — Все что было страшного со мной, прошло, и теперь на нашем пути никто не стоит. Сегодня вечером я скажу своему батьке и матери о том, о чем, ты догадываешься и, завтра же на тройке вороных примчусь к тебе со сватами.

— Правда? Неужели так будет? Нет, это ты шутишь, цыганка же сказала, что я тебя не люблю, — и улыбувшись, Даша взглянула на него любящими глазами и забывая, где они находятся, — хотела обнять его, но спохватившись, остановилась.

— А может цыганка и правду сказала? Может быть в мое роковое отсутствие ты нашла себе другого? — сдерживая улыбку спросил ее Петр.

— Вот вредный какой, и не грех тебе так дразнить меня, неужели ты первый день знаешь меня и смеешь так думать, — обидившись, заметила ему Даша и нахмурилась наклонив голову.

Нет, нет, не сердись, это я шучу. Знаю, что восемь лет мы любим друг друга, как никто, — заметив ее смущение, поспешил высказаться Петр. — Но, какого мнения твой батько и мать о нашем коханьи?

— Наши, часто ругают меня, говорят, что обманет он тебя и не возьмет...

— Ну, если только это, то значит наше дело хорошо, — сказал Петр, прижимаясь к Даше.

В этот момент качели остановились, они спрыгнули с «тачанки» и так как солнце клонилось к закату, то простившись, они сейчас же разошлись по своим домам.

Через полчаса после ухода с ярмарки, возвратившись домой, Даша сняла с себя некоторые праздничные наряды, сняла с себя гетры, чтобы не замочить в воде и босиком усевшись в небольшую лодку, поплыла поперек реки, чтобы загнать с противоположного берега сидевших там уток.

Не доезжая нескольких сажень к широко кустившемуся, с пожелтевшими листьями высокому камышу, простиравшемуся почти до середины речки, с ее головы от слабого ветерка вдруг слетела батистовая косынка, с красным буажным цветком и упала за борт лодки в воду. Даша, слегка привстав, наклонилась и только хотела достать злосчастную косынку, как лодка, потеряв равновесие в этот момент сразу опрокинулась. Девушка, громко вскрикнув, упала и в тот же момент скрылась под водой, как раз у самого глубокого места речки, вблизи густого, шумевшего от вечернего ветерка, камыша. Лодка вверх дном торчала из воды, но Даша не показывалась...

Федор Печорин.

Книжная полка

КОВЫЛЬ. Избранные стихи современных казачьих поэтов. «Казачья Библиотека» № 11.

Задача дать на немногих страницах антологию казачьих поэтов довольно неблагодарная, но составители справились с нею достаточно добросовестно: в сборнике представлено 9 авторов, конечно не равноценных по степени одаренности, но объединенных любовью к казачеству, его прошлому и к его традициям.

На титульном листе сборника помещены гербы Войск Донского, Кубанского и Терского, но при перечислении авторов, к сожалению, не указано, кто из них к какому Войску принадлежит, а это было бы интересно.

Впрочем сборник не преследует никаких особенных задач, а стремится только познакомить казачью аудиторию с творчеством своих соотечичей.

Наиболее полно в сборнике представлены уже стяжавшие себе известность поэты М. Волкова и Н. Туроверов. Это — настоящая поэзия, не только областного масштаба.

О дарованиях прочих судить трудно, прочтя одно-два, самое большее три коротких стихотворных отрывка.

В частности о таком искреннем, несомненном и свежем даровании, как дарование Н. Келина, никак бы и не до-

гадаться тому, кто не читал сборника его стихов, по двум образцам его творчества в «Ковыле».

Наверное и другие авторы тоже «имеют что предъявить» заинтересованному читателю.

Название «Ковыль» сборнику подобрано очень удачно: из 9 авторов сборника ковыль встречается у 8, а у девятого, наверно, тоже есть «ковылистые» стихи, да только не вошли в сборник.

Ну что-же: как символ степного безкрайнего простора, первобытности, свежести жизни — ковыль подходит вполне.

А. К.

«КАЗАЧЬЯ БИБЛИОТЕКА»

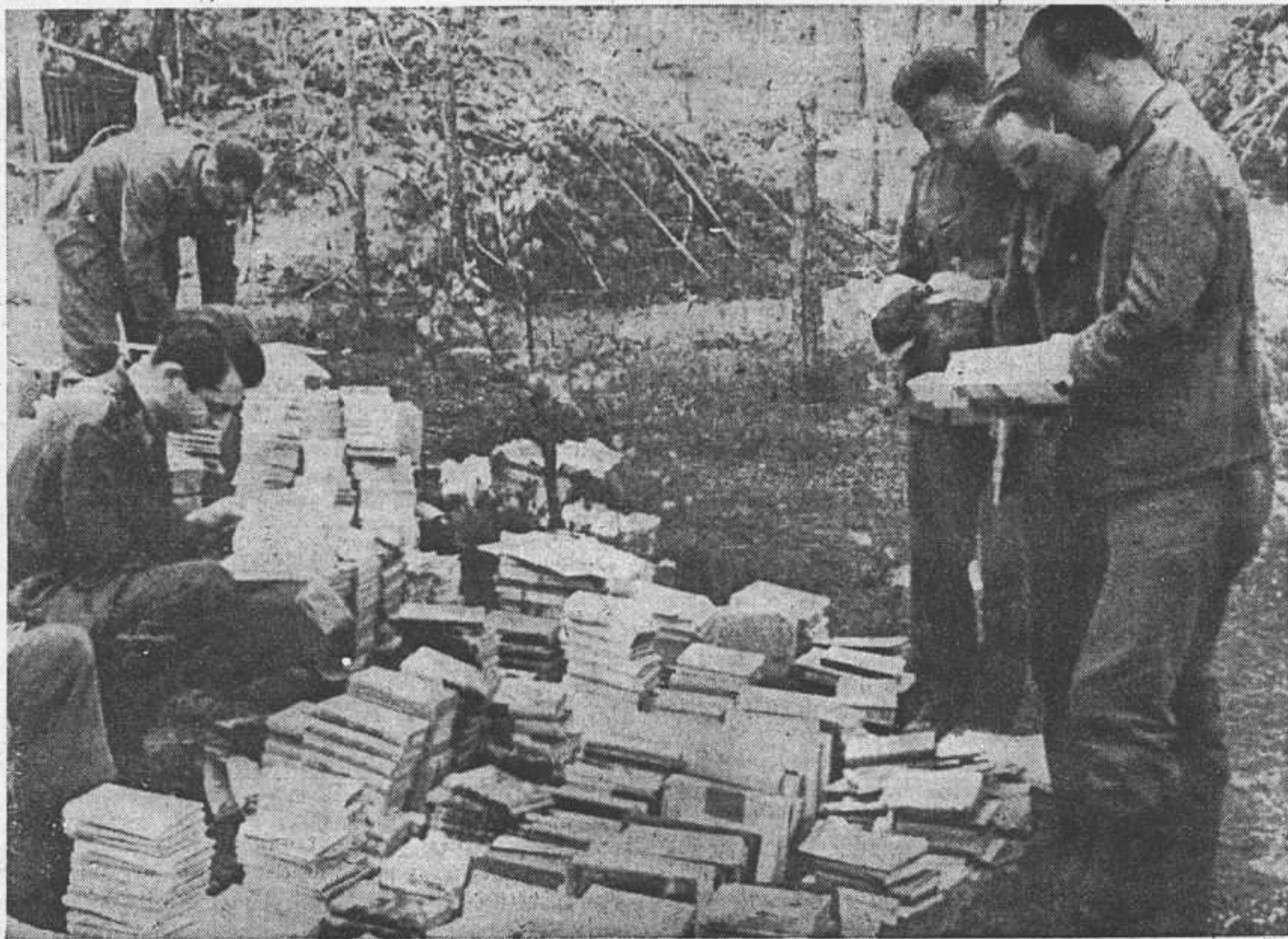
Издательством «Казачья Библиотека» готовятся к выпуску новые книги для казаков:

«Беседы старого казака с молодыми».

Мих. Бойков: «Горные братья», повесть.

«Казачьи песни», второй сборник, с нотами.

«Литературный Альманах».

Книга — лучший друг фронтовика

С радостью встречается на фронте долгожданная гостья — книга, скрашивающая суровые будни бойцов в редкие дни затишья

В первой казачьей

(Очерки).

БАЗАР В НОВОЙ КАПЕЛЕ.

Хорватское село Нова-Капела. Раннее сентябрьское утро. На пыльную дорогу от домов тянутся длинные тени. Но село уже живет полной жизнью. Казаки ведут расседланных коней к колодцам на водопой, весело переключаясь друг с другом. Здоровые, крепкие ребята, от них веет бодростью выдавших виды людей. Этим не удивишь ни танками, ни самолетами, ни свинцовым ливнем автоматов и пулеметов. Они все видали, все испытали.

Везде, где бы я ни побывал в частях 1-й казачьей дивизии на Балканах, всюду я видал те же здоровые казачьи лица, всюду чувствовал бодрый, нигде и никогда не унывающий, казачий дух.

Сегодня пятница. Базар. Вдоль по улице, на краю тротуара, под деревьями, на лотках и прямо на земле, разложены горы арбузов, дынь, помидоров, абрикосов, яблок, груш, слив, винограда, картофеля, моркови, бураков и всякой прочей снеди.

У меня глаза разбегаются от такого обилия. Я уже третий год не ел ни арбуза, ни дыни. А для казака — это первая радость. На Балканах фруктов, овощей — горы, но чтобы покупать всю эту благодать надо таскать с собой мешок кун.

Меня провожает казак уралец, Козлов. Мне хочется купить арбуз, но некогда с ним возиться. На ходу покупаем кило груш за 250 кун, это еще очень дешево по сравнению с городом.

Нежные, тонкие по вкусу, они напоминают наши крымские «Дюшес». Тот же бледно-желтый цвет кожи и короткий, темный черенок. Мы с удовольствием кушаем этот прекрасный дар земли и сладкий, ароматный сок капает с надкушенной поверхности. Этим соком можно упиться, захлебнуться, до того он приятен.

Яркие краски помидоров, зеленые огурцов, нежная расцветка салата, груш, разноцветная гамма яблок, бледно-зеленые кочаны капусты, темно-малиновые кучи бураков, ярко-оранжевая морковь с зелеными, перистыми хвостами — все это обилие красок матери-природы спорит по яркости и разнообразию с красками пышных юбок, разноцветных кофт, платьев молодых хорваток, с белыми, расшитыми рубахами и черными костюмами хорватских крестьян.

Все это живет и переливается под лучами раннего балканского солнца. Картина — по яркости красок и богатству колорита — напоминающая лучшие полотна Кустодьева.

Я люблю толкаться на базаре, среди наваленных куч овощей и фруктов, слушать говор крестьян; локтями, спиной и всем существом ощущать человеческое скопище; острый запах лошадей, волон, мирно жующих траву.

В этом желании влиться, втиснуться в самую гущу человеческих тел, есть что-то древнее, когда люди доисторических эпох, при нападении зверей, или в стужу, сидя в пещерах, сбивались в тесную кучу, ища спасения в коллективе, в единении.

Но нам некогда предаваться философским размышлениям; — мы спешим на станцию. Через полчаса на Плетерницу отходит бронепоезд.

БРОНЕПОЕЗД.

От Новой Капелы до Плетерницы — 45 км. Здесь поезд проходит по самому бандитскому району. Бандиты делают частые нападения на поезда. Поэтому то на этом участке и курсирует бронепоезд. Название это чисто условное. Пусть ваше воображение не рисует стальную черепаху, грозно оцетинившуюся пушками и пулеметами, это не более, как обычные товарные вагоны, выложенные внутри дубовыми щпалами. Такой бронепоезд предохранит от пули; от мины, от снаряда не выдержит. Ну и на том спасибо.

Иногда партизаны обстреливают бронепоезд. Едущие усташы, домобраны, казаки, немцы отвечают им из пулеметов, автоматов, минометов. Если путь разобран или взорван, — партизан отгоняют огнем, путь исправляется и бронепоезд движется дальше.

Бронепоезд набирает воды. Некоторое время его гоняют по рельсам — маневры. Наконец поезд готов к отправке. Усташы и домобраны шумной, гогочущей ватагой вваливаются в вагоны. Усташы — это добровольцы — гвардия по-

главника Анте Павелича. По словам казаков, — наиболее надежные хорватские части. Если на фланге у казаков идут усташы, — значит можно быть спокойными. Уста — по хорватски воостание. Эмблема усташей: взрывающаяся бомба на фоне латинской буквы V.

Домобраны — это регулярная хорватская армия из мобилизованных. О домобранат казаки отзываются более сдержанно, чем об усташах.

Бронепоезд лязгает буферами и движется на Плетерницу. В вагоне я один русский, остальные хорваты. Я прислушиваюсь к хорватскому языку и вижу, что понимаю очень мало. Все молодые ребята.

Один пристроил осколок зеркала в бойницу и бреется на ходу поезда опасной бритвой. Поезд дает толчки. Хорват широко расставил ноги и все-же продолжает бриться. Нужно большое искусство и смелость, чтобы на ходу поезда, когда тебя бросает из стороны в сторону, уметь побриться. Как видим, хорват обладает упомянутыми качествами.

Влево от дороги тянутся невысокие балканские горы, поросшие чернолесьем. Над лесом и горами — голубая дымка. В горах — партизаны Тито. До них рукой подать — 5—6 км. до ближайших гор. Тито — псевдоним. Как пояснили мне, расшифровывается так: Тайная Интернациональная Террористическая Организация. Настоящее имя Тито — Иосиф Б... Был в Советском Союзе. Прошел там соответствующую коммунистическую подготовку и был переброшен Сталиным на Балканы для организации партизанских отрядов. Сталин выслал ему мундир советского маршала. Рассказывают, когда немцы выбросили парашютный десант прямо на штаб Тито, то сам Тито едва успел унести ноги. Пышный мундир советского маршала достался Немцам.

Я видел в Белграде, в витрине книжного магазина, брошюру о Тито, но, к сожалению, на сербском языке.

Мы проезжаем Радковцы. Здесь тоже наши казаки. Поезд, не останавливаясь, идет дальше. По дороге едут хорватские крестьяне на фурах. Над ними висит густое облако пыли. Мелькают развозы. У шлагбаума стоят подводы. Крестьяне ожидают, когда пройдет поезд. Мелькают начальники станций в красных фуражках с зелеными флажками в руках, кирпичные бункера.

На Вольшии в Польше бункера были построены из дерева, здесь строят более солидно — из кирпича. Бункера напоминают маленькие средневековые крепостцы. Они как островки затеряны среди балканских лесов и гор. Вместимость бункеров — от 10 до 20 человек. Кирпичное, высокое здание, по форме — правильный четырехугольник. Дверь находится выше человеческого роста. Чтобы забраться в него, надо приставить лестницу к двери. У некоторых — пристроены кирпичные спуски. Узкие бойницы. Плоская крыша с возвышающимися по краям зубцами, напоминающими кремлевские, чтобы на-за них было удобно стрелять. На крыше стоит обычно пулемет.

Такие бункера, как бы они ни были малы, несут неплохо охрану железных дорог. Иногда у усташей, засевших в бункерах, бывают упорные бои с партизанами. Часто партизанам приходится пускать в дело минометы и даже артиллерию.

Жаркий сентябрьский день. На некоторых бункерах мирно сушится белье. На стенах надпись по хорватски: «Живео Поглавник Павелич!», и тут же буква V с взрывающейся бомбой. Усташы сидят в холодке или купаются там, где есть речушки.

На крыше, под зонтом, стоит часовая, всматриваясь вдаль — не подходят ли партизаны?

Я всматриваюсь в лица усташей, стараюсь их понять, но из этого мало что выходит. Меня занимает один вопрос: как они поведут себя, когда на нас нападут партизаны? Так, под размышления и стук колес, мы приезжаем в Плетерницу.

ПЛЕТЕРНИЦА.

Иду от станции в село. Железный мост, перекинутый через небольшую речушку. Через мост идут два молодых казака. Спрашиваю: «Откуда родом?» «Из Ростовской области... Здесь у нас все — и донцы, и терцы, и кубанцы... Штаб дивизиона находится дальше: влево по улице... Там увидите сразу...»

У штаба толпятся казаки. Здесь стоит дивизион Н-ского казачьего полка. Здороваясь с казаками. В штабе знаком-

люсь с юным командиром дивизиона, гауптманом Х. Он знакомится с моими документами. Я изъявляю желание проехать в Н-ской Кононовский полк. Адъютант сейчас же связывается по телефону со штабом этого полка. Получен ответ: вышлют или машину, или бричку.

— Вам придется подождать, — говорит адъютант, — а за это время вы сумеете пообедать с нами в офицерском казино...».

Решаю ознакомиться с людьми. Иду во двор, говорю с офицером, раненым в руку, с терским казаком-вахмистром, подходит лейтенант Сокол из пятого полка. Они мне рассказывают о стычке с партизанами, о недавней операции 1-й дивизии.

В одной из комнат штаба сидит немец в очках. У него вид ученого. Он спорит с переводчиком дивизиона о русском слове «стирать» и утверждает, что настоящее время в первом лице будет: «я стираю». Правильность своей позиции немец в очках обосновывает тем, что он в Берлине хорошо теоретически изучил русский язык. Переводчик, улыбаясь, доказывает, что это будет неправильно, а причиной является то, что ты изучал русский язык в Берлине, а не на практике, а я родился и вырос в России...».

Я еле сдерживая улыбку, вынужден вмешаться в их спор и разъяснить немцу в очках неправильность выражения «стираю». Немец хорошо строит русскую фразу, но у него чувствуется акцент и бывают провалы, подобно указанному. Все это результат большой теории и малой практики. Немец в очках говорит, что он просидел не одну пару брюк, прежде чем изучить русский язык. Судя по результатам, я ему отнюдь не верю. Это говорит о его большой трудоспособности и упорстве.

Входит здоровый, молодой казачина, в шлеме — лет 22—23. Из кабинета выходит гауптман — командир дивизиона, с ним адъютант. Немецкие офицеры и унтер-офицеры обрывают казака. Через переводчика командир дивизиона поздравляет казака с получением Железного Креста 2-го класса.

Все горячо жмут ему руку. Узнаю фамилию казака: вахмистр Большов Николай Петрович, 2-го эскадрона 3-го полка. Казак станицы Ермаковской, 1-го Донского округа. До-

нец. К немцам попал 16 мая 1942 года на Харьковском направлении. В первой дивизии — с Млавы. Награжден за дело 9 июня 1944 года.

Под селением Брд, с 14-ю казаками, Большов прикрывал дивизион. Партизан было 45 человек. В это время их батальонный комиссар крикнул: «Напред!» (Вперед!) и повел партизан в атаку. Вахмистр Большов надавил на гашетку автомата и батальонного комиссара как ветром сдуло.

Казаки и партизаны сошлись в рукопашную. Партизаны бежали, оставив на месте 12 человек. Потерь со стороны казаков не было. Комиссара узнали по двум шпалам и аэзде. У него забрали сумку с документами, бинокль, пистолет.

Под навесом из дикого винограда накрыт стол. Мы, офицеры, садимся обедать. Солнечные лучи, разбиваясь о виноградную листву, падают бликами на пол и стены хаты. Рядом со мной — доктор-кубанец. Ему 50 лет. Он участвует уже в 3-ей войне за свою жизнь. Рассказывает мне о жизни дивизии, о казаках.

Наконец пригодит машина из 5-го полка. Я знакомлюсь с помощником полковника Кононова, гауптманом графом Раттбергом и цальмайстером полка.

Прощаясь с немецкими и казачьими офицерами дивизиона, садимся в машину и едем в Грабарье — местечко, где стоит Донской полк полковника Кононова.

Александр Яганов.

РОЗЫСКИ

Кубанского казака Ивана Андреевича Гулая, выехавшего в 1943 г. из Полтавы, просит откликнуться Михаил Синькевич по адресу: Förster Michael Sinkewitsch, Forstamt in Warnicken, Post Georgenswalde, 5 B, Kreis Samland.

Веретенников Васил. Панф., Ф. П. № 04508 разыскивает брата, служащего в Герм. армии.

Ермоленко Григ. Павл., ст. Киселковской (Кубань) Ф. П. № 58342 — родных.

Бурцев В. Н., Фельдпост № 57701-В — родных и знакомых.

Дегтярев Василий, Ф. П. № 56569 — братьев.

Шабля Петр. Серг., ст. Шкуринской (Кубань) Ф. П. № 58342 — станичников.

Казаки: Бурлак Владимир Степанович, Можинко Георгий Алекс., Костюк Степан Иосифович — Ф. П. № 58066-В — родных и знакомых.

Богданов Петр. Ив., ст. Новотроицкой (Кубань) Ф. П. № 48110-В — семью.

Гайдуков Василий Иванович, Ф. П. № 48110-В — семью.

Макаренко Дмитрий Иванович, Ф. П. № 58704 — брата Захара.

Прохоренко Григ. Павл., Ф. П. № 57644-Е — братьев Михаила и Ивана.

Квартик Вас. Ант., Ф. П. № 48472-А — родных и знакомых.

Кривов Афанасий Тимоф., ст. Усть-Медведицкой (Дон), Ф. П. № 48472-Д — отца Тимофея Ив. и братьев Петра, Василия и Анатолия.

Малышев Мих. Дмитр., Ф. П. № 15201-С — брата Николая.

Кравцов Дмитрий Ф. П. № 56577-Д — брата Дениса.

Обухова Николай Ивановича (р. 1927 г.) из м. Орехово, Запорожской области просит отец откликнуться и написать по адресу: г. Вена Хельбтур «Нижний Дунай» (12а), Сельскохозяйственный Научноисследовательский Центр. Обухову.

Унт.-офц. Дош Петра Людвиловича, просят сообщить свой фельдпостномер по адресу: Ландвиртгеф, Кр. Зигмаринген, Бюртенберг (14) — Вилли Пасечник.

Болычев Иван Григорьевич (Ф. П. 59996) разыскивает сына Александра Ивановича, брата Василия Григорьевича и урядника Сазонова Степан Михайловича — все из Сталинградской обл. Бударинского р-на.

Цаев Михаил Михайлович Фельдпост № 17084-Г — братьев Гаврила и Николая.

Чайченков Александр Филиппович, Фельдпост № 17084-Г — отца Филиппа Степановича, ст. Грушевской, Донской области.

Купешов Иван Дмитриевич, ст. Гундоровской, Фельдпост № 17084-Г — отца Дмитрия Акимовича, брата Николая.

Конкарев Роман Павлович, Фельдпост № 17084-Г, Маркина Алексея Карповича и Басова Леона Андреевича.

Филип Иван Петрович г. Ростов, Фельдпост № 17084-Г Евсюкова Даниила Ильича.

Флюстунов Андрей Семенович, Фельдпост 17084-Г ст. Гундоровской — разыскивает брата Афанасия.

Половинко Алексей Андреевич, Фельдпост № 17084-Г — брата и тестя Шевченко Леонтия Ивановича.

Казаки Н-ской части Ф. П. № 11424-А.*

1. Холмутов Аким Степанович Ст. Голубинской х. Каменский;

2. Можилин Аким Степанович Ст. Голубинской х. Каменский;

3. Гринев Николай Иванович, село Ново-Александровска Краснодарский район;

4. Догосеев Василий Самсонович, Ст. Костромская;

5. Кашцев Иван Петрович, Ст. Уст-Белокалитвенской х. Буграев;

6. Бударин Федор Васильевич, ст. Березовская Бударинский р-н.

Просят откликнуться родных и знакомых.